

Никита Богословский - шутник известный

Личности и Факты. - 1995 - №121 - с. 7.

Людей, которых принято называть "ровесниками века", - а как их еще называть, и особенно теперь, когда и века осталось совсем чуть, и ровесников его столько же, и если вспомнить, что российский XX век был для жизни приспособлен очень плохо, - уже не хочется спрашивать ни о чем другом, кроме как (в первую очередь)...

- Как вы выжили, Никита Владимирович? Вы потомственный дворянин, имевший деда - камергера императорского двора, дядю - премьер-министра Мариинского театра, родственников за границей, безусловный талант и чувство юмора... Даже чего-то одного из перечисленного было достаточно, чтобы человек перестал жить: в лучшем случае - среди советских людей, в худшем - вообще. А вы даже не почтили своим присутствием ни один лагерь... Везение?

- Скорее судьба. Одного везения явно не хватило бы. После убийства Кирова подполковник из "большого дома" на Литейном сообщил мне, что я обязан в 24 часа покинуть Петербург, то есть Ленинград, и переместиться на постоянное место жительства в город Сыктывкар. А я решил не перемещаться. И как-то про меня просто... забыли, наверное? Может быть, я был таким же "показательным" дворянином страны победившего пролетариата, как Эренбург - "показательным" евреем? А может быть, я слишком часто шутил, чтобы жизнь принимала меня всерьез?

- Когда, на ваш взгляд, в нашей стране были самые веселые времена?

- В нашей стране для веселых людей все времена были веселыми. Однажды, например, мы с Марком Бернесом участвовали в концерте для пограничников в клубе НКВД. После концерта был банкет. Мы с Бернесом оказались рядом со знаменитым Карацупой. И Марк ему говорит: "Какой вы все-таки героический человек! Такое количество разных разрушителей границы задержали!" А Карацупа уже подвыпил, поэтому посмотрел на Бернеса так ласково и сказал со вздохом: "Молодой человек! Если бы вы только знали, в какую сторону они бежали!" Это, так сказать, политически веселая история. А вот я сейчас вспомнил романтическую... Как-то, еще живя в Ленинграде, я пошел со своей собакой в ветеринарную лечебницу. И встретил там Сашу Менакера с котом. Саша в те времена был холостым и весьма донжуанистым таким парнем. А рядом с ним сидела со своей кошечкой весьма симпатичная девица. И Менакер уже к ней вовсю клеился. И вдруг открывается дверь кабинета, и сестра во все горло грубым голосом рявкает: "Менакер! На кастрацию!"

- Видимо, когда вам не хватало веселья, вы

придумывали его себе сами...

- Вы розыгрыши имеете в виду? Да полно, половину мне приписывают. Ну было, было... Вот, например, был у нас один такой драматург известный. И у него было одно не очень приятное свойство характера... ну, в общем, скуп он был. И банкеты после его премьер всегда проходили под какое-то жалобное пиво и бутерброды с красной икрой, что тогда считалось весьма жалким угощением. И на одном из таких банкетов хозяин, не отличавшийся к тому же особенным тактом, вдруг поднес к моему носу бутылочку с мутной жидкостью и сказал: "Вот смотри, Никита! Завтра отношу это дело на анализ. Плохи у меня дела, скоро вы меня недосчитаетесь!" Я разозлился: и так у него пиво на банкете, как моча, так он мне еще и собственную мочу за столом демонстрирует! И я выкрал у него эту бутылочку, вылил оттуда мочу и налил пиво. И подсунил обратно. Он эту бутылочку сдал. Раздается звонок из поликлиники: "Когда скончался товарищ такой-то?" Выяснилось, что с тем количеством разной гадости, которое было в его якомбы моче, человек просто жить не может...

- Судя по тому, что красная икра еще не считалась деликатесом, дело происходило до наступления эпохи развитого социализма. А потом какие вы изобретали розыгрыши?

- Созвучные времена, конечно. Вот, например, ехали мы как-то в составе делегации советских кинематографистов по Тунису в автобусе. А до этого нас всех предупреждали, что мальчишкам, которые кланчат там деньги, нельзя давать ни копейки, иначе не отвяжутся. А я это забыл и бросил им сдуру какой-то сантим. Сейчас же собралась гигантская толпа кошмарных голых детей, и они бежали за автобусом и вопили нечто непотребное. Я на одной из остановок вышел, собрал всю эту команду и сказал им по-французски: "Дорогие дети! Если вы хотите, чтобы советские туристы вам давали деньги, вы должны выучить

по-русски одну волшебную фразу: "Софронов - говно!" Софронов, если вы помните, был зампредом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В общем, мы с этими детьми порепетировали... Через месяц из Туниса возвращается группа наших художников, и они говорят: "Ну надо же! За нами бегали нищие мальчишки и без конца орали: "Софронов - говно!" Как, интересно, они узнали, что это правда?..."

- И за все это вы ни разу не заплатились?

- Нет, по-крупному ни разу. Ну вот когда вышло постановление о второй серии фильма "Большая жизнь", там про мои песни было сказано примерно следующее: "Песни, введенные в фильм, являются кабацкой меланхолией, чуждой советскому народу..." А песни там были, между прочим, "Спят курганы темные" и "Три года ты мне снилась..." Представляете, что сие означало в конце сороковых годов? Но я тогда всего лишь не стал заслуженным деятелем искусств. А вообще-то я осторожничал, конечно, и если предполагал, что могли последовать какие-то оргвыводы, то помалкивал.

- А сейчас вы по-прежнему шутите?

- В основном сам с собой, в своей музыке. Пишу, например, одноактную оперу "Приемный день у начальника". Начальник там у меня поет речитативом в стиле Римского-Корсакова, а все посетители - музыкальные инструменты. Приходит, например, труба просить квартиру. И, чтобы разжалобить начальника, берет с собой флейту-пикколо, внучку. Бегаёт кларнетик-секретарша, приходит хулиган-ударник, звонит жена-скрипочка...

- У вас такое количество баек... Как вы их помните?

- По этому поводу я придумал шутку: склероз был настолько рассеянным, что забыл меня посетить.

Илья АВРАМЕНКО, Яна ЗУБЦОВА
Фото Бориса Кремера